

НАЦИОНАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОДЛИННИКА И ПЕРЕВОД

TRANSLATING CULTURAL AND HISTORICAL CHARACTERISTICS OF FICTION

Yu. Borisenko

Summary: The paper discusses the issues of rendering cultural and historical characteristics of fiction while translating B. Akunin's historical detective novels from Russian into English. The analysis of such culture-significant lexemes as household, social and associative realia indicates that their translation is often inconsistent and contradictory, which significantly impairs the target language text in the cultural and historical aspect and leads to a distorted view of foreign language culture.

Keywords: literary translation; cultural and historical characteristics of fiction; realia.

Борисенко Юлия Александровна

к.филол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет» (г. Ижевск)
Julie_bor@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы передачи национально-исторической специфики иноязычного текста при переводе на материале исторических детективов Б. Акунина и их переводов на английский язык. Проведенный анализ таких лексических носителей национально-исторического колорита, как бытовые, общественные и ассоциативные реалии, свидетельствует о том, что передача многих реалий является непоследовательной и противоречивой, что значительно обедняет перевод в национально-историческом аспекте и приводит к искаженному представлению читателей об иноязычной действительности.

Ключевые слова: художественный перевод; художественный текст; национально-историческая специфика; реалии.

Каждый язык отражает особенности национальной культуры и истории определенного народа, и каждый литературный текст создается в рамках определенной культуры. Успешность адекватного понимания переведенного текста представителями иной культуры во многом обуславливается тем, насколько переводчик учитывает экстралингвистические факторы межкультурной коммуникации, в том числе и степень осведомленности носителей другой культуры об исходных реалиях.

В современном переводоведении необходимость адаптации иноязычного текста для реципиента иной культуры не подвергается сомнению. Вопрос заключается лишь в степени сохранения национальной и исторической специфики оригинального текста. Как справедливо отмечает О.В. Петрова, правомерность или неправомерность снятия национально-культурной специфики подлинника непосредственно связана с целью создания переводного текста [3, с. 454]. Если принять как аксиому, что перевод художественного произведения осуществляется с целью оказать эстетическое воздействие на читателя, апеллировать к его чувствам и эмоциям, то становится очевидным, что переводчик должен стремиться максимально сохранить, помимо прочего, и национально-культурное своеобразие оригинального текста.

Материалом для настоящего исследования послужили исторические детективы Б. Акунина «Азазель» (1998) и «Смерть Ахиллеса» (1998), а также их переводы на английский язык, выполненные Эндрю Бромфилдом, «The Winter Queen» (2003), «The Death of Achilles» (2005).

Несмотря на то, что национальная специфика пронизывает текст на всех его уровнях, в рамках данной статьи мы остановимся на лексических носителях национально-исторического колорита, к которым, в первую очередь, можно отнести реалии.

Произведения Б. Акунина изобилуют историческими реалиями, которые требуют адекватной передачи при переводе.

Так, при рассмотрении бытовых реалий, использованных в романах Б. Акунина, определенные сомнения вызывает перевод реалий-жилищ. Например, переводчик не видит никакой разницы между имением и усадьбой:

«От отца унаследовал собственный дом в Замоскворечье, целую усадьбу со службами, однако жить там не пожелал, переехал подальше от купечества» [1, с. 19].

“Inherited his own house in the Zamoskvorechie district from his father, an entire estate, outbuildings and all, but he didn't want to live there, moved as far away from the merchantry as he could” [5, с. 16].

«А известно ли вам, сударь, что в мае Мишель обратил в наличность все свои акции и ценные бумаги, забрал со всех счетов все деньги, сделал закладную на свое рязанское имение, да еще взял большую ссуду в банке?» [2, с. 122].

“But are you aware, sir, that in May Michel cashed in all shares and securities, drew all the money out of his bank accounts, mortgaged his Ryazan estate and also took a large loan from a bank?” [4, с. 103].

Две разные реалии передаются одним эквивалентом

переводящего языка (ПЯ), что, несомненно, обедняет перевод. Кроме того, между данными реалиями, на первый взгляд, являющимися относительными синонимами, существует определенная разница: усадьба – комплекс жилых и хозяйственных построек, представляющих одно хозяйственное и архитектурное целое, а имением называлось земельное владение помещика (оно могло быть с усадьбой, а могло быть и без нее). Английский эквивалент estate по семантике ближе к русской реалии «имение» (a very large area of land that belongs to one person, usually with a very big house on it), поэтому перевод во втором случае является адекватным. К сожалению, этого нельзя сказать о передаче реалии-жилища усадьбы, т.к. у читателя может сложиться впечатление, что в Замоскворечье герою принадлежит огромное земельное владение, в то время как автор имеет в виду хорошо оснащенное помещение – дом, который похож на усадьбу тем, что имеет множество примыкающих пристроек и строений. В этом случае более близким эквивалентом ПЯ будет manor house – a large house with small buildings around it.

При анализе реалий государственно-административного устройства и общественной жизни наиболее неточный перевод встречается при передаче административных реалий и образовательных институтов. Известно, что самой крупной административной единицей Российской Империи до революции являлась губерния (во главе которой стоял губернатор, а наиболее важные губернии управлялись генерал-губернатором). Эквивалентом такой реалии служит в переводе province (многие словари дают аналогичный эквивалент), что, на наш взгляд, искажает действительность:

«...она уже готовилась сесть в дрожки, заваленные баулами и свертками, чтобы отбыть из первопрестольной к себе в Калужскую губернию» [1, с. 30].

“...she was on the point of getting into her droshky, piled high with various trunks and bundles, in order to leave Russia’s first capital city and set out for the province of Kaluga” [5, с. 30].

Во-первых, губернии были разделены на провинции (при использовании варианта, предложенного переводчиком, для реалии «провинция» уже не остается словарного соответствия), а во-вторых, поскольку главой губернии являлся генерал-губернатор (в переводе данная должность передается как general-governor), то наиболее адекватным переводом губернии следует считать government, при этом province является составной частью губернии.

Иногда перевод определенной реалии каждый раз осмысливается переводчиком по-новому в зависимости от контекста. Насколько оправдан такой подход, можно судить по ряду примеров, рассматривающих варианты перевода реалии «гимназия»:

«Мальчику бы гимназию закончить, да в университет, а вместо этого – изволь из родных стен на улицу, зараба-

тывай кусок хлеба» [2, с. 11].

“The boy should have finished his studies at the gymnasium and gone on to the university, but instead it was out of the parental halls and off into the streets with you to earn a crust of bread” [5, с. 7-8].

«Поверьте мне, по духу и биографии это был настоящий Ломоносов – без роду и племени, круглый сирота, выучился на медяки, сдал экзамены сразу в седьмой класс гимназии» [1, с. 179].

“Believe me, he had the spirit and the background of a genuine Lomonosov – an orphan with no family or relatives, who had financed his own studies on coppers and then passed examination for the seventh year at the grammar school at the first attempt” [5, с. 196].

Представляется, что переводя реалии, необходимо придерживаться принципа, сформулированного О.В. Петровой: «свое – иное – чужое». Читатель должен воспринимать текст как понятный, но не ассоциирующийся со своей родной национально-культурной средой [3, с. 461]. В данном случае у читателей ПЯ может сложиться превратное впечатление об образовательной системе в России до 1917 года, где grammar school сосуществует с gymnasium, и совершенно непонятно, какое место каждое образовательное учреждение занимает. С другой стороны, если переводчик использует прием уподобления и вводит реалию современной англоязычной системы образования, ему следовало придерживаться выбранной модели на протяжении всего произведения. На наш взгляд, чтобы избежать недоразумений, следует исключить реалии современной англоязычной культуры из романа, действие в котором происходит в России XIX века, и оставить то название учебного заведения, которое соответствует действительности, передает необходимый исторический колорит и не вызывает ненужных ассоциаций. Нелишним будет дать переводческий комментарий, поскольку в романе «Азазель» существительное «гимназия» обладает высокой частотностью: gymnasium – secondary school of highest grade preparing for universities in pre-revolutionary Russia.

Поскольку произведения Б. Акунина принадлежат к детективному жанру, в них очень часто упоминаются полицейские чины. Главный герой – Эраст Петрович – служит в Третьем Отделении императорской канцелярии, которое в России в 1826-1880 гг. являлось государственным органом политического надзора и сыска. Полицейские чины в переводе отражаются каждый раз новыми эквивалентами, что создает путаницу и искажает внешнеязыковую действительность:

«Докладывает городовой Семенов (это из Рогожской)» [1, с. 26].

“Report of police officer Semenov (he’s from Rogozhskaya Precinct)” [5, с. 24].

«Да и Караченцев не поможет – у него сейчас ни одного городового лишнего» [2, с. 144].

“And Karachentsev won't be any help either – he hasn't got a single constable to spare at the moment” [4, с. 122].

Как видим, для одной реалии вновь использованы разные эквиваленты. Чин городского является самым низшим в полицейской иерархии, городские подчинялись полицейским и околоточным надзирателям, несли наружную охрану порядка на определенных участках улиц. Что касается соответствия constable, думается, что данный полицейский чин является английской реалией и привносит в произведение национальный колорит другой страны, хотя и передает денотативное значение (констебль тоже является низшим чином английской полиции). Возможно, предпочтительнее более нейтральный вариант local police officer, но Э. Бромфилд уже использует это соответствие в качестве эквивалента для реалии «околоточный надзиратель»:

«Околоточному дай, акцизному дай, врачу санитарному дай» [2, с. 81].

“Pay the local policeman, pay the exciseman, pay the sanitary inspector!” [4, с. 68].

«В 12 часов 35 минут в Подколокольный переулок, к дому Московского страхового от огня общества» вызвали околоточного надзирателя Федорука по требованию калужской помещицы Авдотьи Филипповны Спицыной» [1, с. 25].

“At thirty-five minutes past twelve police inspector Fedoruk was summoned from his station to the building of the Moscow Fire Insurance Company on Podkolokolny Lane at the request of the Kaluga landowner's wife Avdotya Filipovna Spitsyna” [5, с. 24].

Вновь наблюдается разнобой при передаче одной реалии, поэтому для чина околоточного надзирателя желательно подобрать один эквивалент, чтобы не вводить в заблуждение читателей ПЯ, а именно выбрать такое соответствие в ПЯ, которое обладает той же смысловой нагрузкой (околоточный надзирал за городскими и подчинялся приставу). Полицейский чин police inspector по званию старше, чем policeman или police officer (если последний принять как эквивалент городского). В то же время перевод такого вышестоящего чина, как следственный пристав, в переводе Э. Бромфилда также имеет более одного соответствия:

«В участке молоденького чиновника из Сысского провели к самому приставу...» [1, с. 16].

“At the station the young functionary from the Criminal Investigation Division was shown through to the superintendent” [5, с. 13].

«Жалко – снилось про то, что вроде бы никакой не отставной пристав, а кочан капусты, растущий на огороде» [2, с. 148].

“It was a pity – he had been dreaming that he wasn't a retired police inspector at all, but a head of cabbage in a market garden” [4, с. 126].

В целом, очевидно, что подобный разнобой при передаче реалий приводит к тому, что читатель получает весьма запутанную картину полицейской табели о рангах в России. Чтобы передать значение данных реалий, целесообразно воспользоваться аналогами в ПЯ, которые, тем не менее, не обладают ярко выраженным национальным колоритом. Эти соответствия должны быть постоянными и не меняться на протяжении всего повествования: городской – local police officer, околоточный – police inspector, пристав – superintendent.

Ассоциативные реалии также не всегда находят адекватное отражение в переводе. Отдельную группу составляют наименования птиц, которые автор использует в качестве анималистических символов:

«Он неопределенно махнул и мысленно добавил: «А пока мы разберемся, что ты за воробей» [2, с. 17].

“He gestured vaguely, thinking to himself: ‘And meanwhile we'll see what sort of chap you are” [4, с. 14].

Лексическая единица «воробей» имеет отрицательную коннотацию (ср., например, русские пословицы: за обедом соловей, а после обеда воробей; сам с воробья, а сердце с кошку; воробьиным сердцем не возьмешь и др.), что не отражает нейтральный вариант, предложенный Э. Бромфилдом. К тому же из контекста можно заключить, что герою, к которому относится данная фраза, не доверяют и относятся подозрительно. Думается, что можно воспользоваться гипо-гиперонимическим переводом, т.к. в английском языке bird – (old-fashioned) a person of a particular type, к тому же существуют словосочетания home bird (BrE), early bird, пословицы an early bird catches a worm; a bird is known by his song и т.д. Таким образом, можно предложить следующий вариант перевода:

“He gestured vaguely, thinking to himself: ‘And meanwhile we'll see what sort of little bird you are.”

При рассмотрении цветových символов следует учитывать, что и русский, и английский относятся к индоевропейским языкам, следовательно, их национально-культурная специфика цветообозначения во многом схожа. Тем не менее, в этих двух культурах существуют различия в членении цветового пространства, что переводчик не всегда учитывает:

«Вместо красна личика – красна кашица» [1, с. 143].

“No more red little face, just gooey red mush” [5, с. 154].

Необходимо отметить, что ассоциации с красным цветом у двух народов совпадают не полностью. В англоязычной культуре красный воспринимается как цвет крови, как коммунистический символ, но не является синонимом понятий «красивый, нарядный, прекрасный, превосходный», значения которых и имел в виду автор. Существует ряд выражений типа go red (to become red in the face because you are embarrassed), что

несколько смещает акценты: во-первых, передаются такие чувства героя, на которые автор даже не намекнул, а во-вторых, утрачивается стилистическая окраска прилагательного «красный» в значении «красивый», которое относится к фольклорно-поэтическому, архаичному регистру лексики. Поэтому представляется возможным передать не цветовой символ, учитывая, что он не полностью совпадает в двух культурах, а игру слов и стилистическую окраску высказывания, присутствующую в оригинале, с помощью функционального аналога fair:

“No more fair little face, just fairly red mush.”

Таким образом, сопоставительный анализ оригинального и переводного текста показал, что ведущим приемом при передаче реалий в романах Б. Акунина является уподобление, что не может не сказаться отрицательно на передаче национально-культурного

фона оригинала. В результате, переводчик дает весьма запутанную картину некоторых деталей быта и устройства Российской Империи, необоснованно применяя каждый раз новые аналоги для тех реалий, значения которых не изменяются в зависимости от контекста, что вводит реципиентов текста в заблуждение и создает искаженную внеязыковую действительность.

В заключение необходимо отметить, что историческая перспектива и национальное своеобразие подлинника представляют большие трудности для переводчика. Характерные черты одной национальной среды, отраженные в оригинале, в условиях другой культуры могут быть непонятны читателям перевода. Именно поэтому переводчику следует уделять особое внимание не передаче отдельных культурно-специфических элементов, а созданию целостной картины иноязычной действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акунин Б. Азель. – М.: Захаров, 2000. – 237 с.
2. Акунин Б. Смерть Ахиллеса. – М.: Захаров, 2007. – 428 с.
3. Сдобников В.В., Калинин К.Е., Петрова О.В. Теория перевода. Коммуникативно-функциональный подход. – М.: Издательский дом ВКН, 2019. – 512 с.
4. Akunin B. The Death of Achilles. – Phoenix, 2005. – 362 p.
5. Akunin B. The Winter Queen. – New York, 2003. – 245 p.

© Борисенко Юлия Александровна (Julie_bor@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Удмуртский государственный университет